

Маркевич
И.

21/III-63

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

МОСКВА

21 МАРТ 1963

НОСТИ ДИРИЖИРУЕТ ИГОРЬ МАРКЕВИЧ

В ПЕРВЫЕ Игорь Маркевич познакомил нас со своим творчеством более двух лет назад. Тогда он прекрасно дирижировал «Concerto grosso» Генделя и «Весну священную» и «Симфонию псалмов» И. Стравинского и другие произведения, сразу завоевав себе общее признание. Признание это укрепилось и возросло после концерта в феврале в Большом зале Консерватории, в котором исполнялись увертюра к «Руслану и Людмиле» Глинки, Первая симфония Д. Шостаковича, «Тиль Уленшпигель» Р. Штрауса и Пятая симфония Бетховена. Я еще слишком мало знаю Маркевича, чтобы придавать своим впечатлениям окончательное значение, но, мне кажется, он принадлежит к тому типу современного дирижера, для которого произведение и его исполнители, то есть оркестр и оркестранты, более важны, чем он сам, что он прежде всего служитель искусства, а не повелитель, диктатор. Такое поведение — очень современное явление. Время, когда титаны дирижерского исполнительского искусства прошлого, с точки зрения просвещенного академизма («надо прежде всего исполнять верно»), иногда позволяли себе вольности — стихийно подчиняли композитора своей творческой воле, — это время ушло. И как бы они ни уважали и ни любили исполняемых авторов, иногда становилось тесно в чужом одеянии, даже когда это одеяние было просторно и вольно, как римская тога.

Итак, я причисляю Маркевича к тем исполнителям, которые не стремятся себя выставить на показ, но расценивают себя приблизительно как «первого среди равных» в оркестре. Обнимать духовно много индивидуальностей — а этим искусством Маркевич безусловно владеет — всегда является доказательством большой культуры, таланта и ума.

Разнообразные произведения программы были исполнены Маркевичем убедительно, я нигде не почувствовал расхождения с авторским замыслом. Если говорить о «технике рук», которая обычно привлекает особенное внимание слушателей у дирижера, то надо отметить благородную непринужденность жеста, ясность намерений, полную независимость правой и левой руки (руки почти никогда не делают «то же самое», как это бывает у неопытных дирижеров), разнообразие приемов. Если же говорить о более существенном, о музыкальной концепции дирижера, то в первую очередь скажу о его великолепном чувстве формы и развития исполняемого произведения. Слушатель присутствует при том, как произведение становится, как оно живет во времени логично и закономерно развертывается, достигает, кроме всех «местных» кульминаций, главной, завершающей (того, что Рахманинов кратко назы-

вал «точкой»), и потому именно так убедительно и заражающе действует на него, неизбежно втягивая в поток мыслей и переживаний автора. Отметить надо еще обостренное чувство динамических контрастов, доступных оркестру, — мы слышали там, где это полагалось, и крайнее фортиссимо, и крайнее пианиссимо, музыка никогда не погружалась в звуковое безразличие и однообразие. Я считаю недостойным ни такого превосходного артиста, как И. Маркевич, ни себя лично, как случайного рецензента, если бы я стал распространяться о том, что больше или меньше «удалось» дирижеру (ненавистное для меня выражение). Мне важен целостный облик исполнителя, а этот облик меня чрезвычайно удовлетворил и доставил много радости.

Но так как принято, чтобы любая рецензия писалась в «трехчастной» форме («да—но—да»), то упомяну о некотором «но». Мне показалось, что ударные иногда слишком грохотали. В коде «Тиля» слишком «шумели» ударные. Даже в Пятой симфонии Бетховена литавры были, на мой вкус, сыграны очень уж «маркатиссимо». Увертюра из «Руслана», хотя и прозвучала с необыкновенным увлечением, так необходимым юношеской пушкинской поэзии, была местами сыграна немного неряшливо. В Первой симфонии Шостаковича были мелкие неполадки, хотя в целом она была исполнена ясно и убедительно.

Все эти мелочи нисколько не снижали общего впечатления. И. Маркевич сейчас руководит дирижерским семинаром Московской консерватории. Это весьма радостное событие в ее творческой жизни. Встречи нашей молодежи с таким прекрасным музыкантом и дирижером будут и поучительны, и «вдохновительны». Я, старик, тоже собираюсь посещать его лекции. И ожидаю с нетерпением его следующего концерта.

Генрих НЕЙГАУЗ.